

К ВОПРОСУ О ФАБУЛЕ, СЮЖЕТЕ И ТЕМАТИКЕ БРЕДА. ЧАСТЬ 1

Иосиф Зислин, Евгений Резников

Клиника психиатрии, 9987500, Иерусалим, Израиль, Цур Адасса. Шалмон 7/1, e-mail: jozislin@yahoo.com

Реферат. В статье проанализировано использование в клинической психиатрии основных терминов, используемых при описании содержательной стороны бреда. Показано, что использование таких терминов как «фабула», «сюжет», «мотив», «тема» должно опираться на использование подобной терминологии в филологии.

Ключевые слова: бред, фабула, мотив, сюжет, тема.

TO THE QUESTION OF MOTIVE, CONTENT
AND PLOT OF DELUSION

Iosif Zislin, Evgeny Reznikov

Psychiatry clinic, 9987500, Jerusalem, Israel, Tsur Adassa,
Salmon 7/1, e-mail: jozislin@yahoo.com

The basic terms used for the describing of the delusional content are investigated. The main conclusion is that using of such terms: motive, content, plot, content should be used upon the philological context.

Key words: delusions, delusion content, motive, plot.

Это так просто, что это даже можно доказать.

Рав. Лев Мейер Елияху Гаон

Вопрос, вынесенный в заголовок статьи, привлекает наше внимание уже много лет. Изучая литературу, посвященную исследованию бреда, мы столкнулись с поразительным фактом. Практически во всех русскоязычных работах, в которых так или иначе рассматривается тема бреда, все вышеупомянутые в названии статьи понятия используются без какой-либо дефиниции и чаще всего как синонимы. Но синонимичны ли они?

Нередко можно столкнуться с ситуацией еще более парадоксальной – в одной и той же работе автор, рассматривая содержательную сторону бреда, определяя ее то как фабулу, то как сюжет, то как концепцию, то как тему, то как тематическую форму. Более осторожные психиатры попросту избегают использовать столь сложную терминологию и говорят лишь о содержании (*тематическом содержании?!), или наполнении, бреда.*

Другая тенденция – выделение спектров, или групп по какому-либо общему признаку: бред преследования, бред величия, депрессивный бред [16, 17, 19, 34].

Сугубо теоретический вопрос о фундаментальных дефинициях терминов, лежащих в основе анализа и классификации именно содержательной стороны бреда, не может быть проигнорирован. Как нам кажется, он не является ни пустым, ни праздным. Помимо понимания необходимости точных и однозначных определений решение этого вопроса важно и для практики. А именно – для сравнения клинических описаний (например, если в одном случае содержание бреда обозначается как **фабула преследования**, в другом – как **мотив преследования**, в третьем – как **тема**, имеется в виду одно и то же содержание или разное?). С другой стороны, без четкого определения терминологии, в принципе, не

существует возможности создания полной и непротиворечивой классификации бреда, учитывающей его содержание.

Нельзя сказать, что ранее не предпринимались попытки дифференцировать эти термины (примеры приводим ниже), однако, как нам кажется, эти попытки не опирались на дефиниции, принятые в филологии, и попросту их игнорировали. Почему важно обратиться именно к филологии? Во-первых, анализируя бред, мы, вольно или невольно, анализируем текст/нарратив, а это, безусловно, категория филологии. Во-вторых, нарративный анализ разработан в лингвистике. В-третьих, лингвистика и филология, в широком смысле слова, этот пласт терминологии разрабатывает с конца XIX века. Конечно, нельзя говорить о том, что в филологической литературе вся терминология однозначна и имеет устойчивый характер. Но определенное «ядро» такой филологической терминологии мы можем и должны использовать. (Надо отметить, что в филологии создана не просто терминология, а целая система и иерархия понятий).

Необходимо признать, что и в филологии, где споры о сущности этих понятий идут более ста лет [41, 43, 49, 57], нет единой точки зрения и однозначных, всеми принятых дефиниций. Нас могут спросить: если филология разрабатывает и использует данную терминологию столь долго и, несмотря на это, к единой терминологии так и не пришла, какой смысл к ней обращаться? Ответ прост: психиатрия столь же долго использует подобную терминологию, но о ней не спорит. Не лучше ли обратиться к той области исследований, где существует история споров и история различных школ, история надежд и разочарований?

Авторы практически всех клинико-психопатологических штудий полубессознательно используют филологическую терминологию. Не является ли это лишним доказательством, что такую терминологию действительно можно и нужно использовать или хотя бы анализировать? Мы считаем, что правильное и «контекстное» употребление такой терминологии поможет выработать более точные критерии симптома и, в конце концов, – более надежную классификацию. По сути, в сумбурном рассказе больного врач ищет, пусть даже и неосознанно, какие-то базовые категории, на которые он мог бы опереться в классификации.

При этом никаких революционных изменений мы не предлагаем и даже не предлагаем новую содержательную классификацию бреда, хотя необходимость для этого назрела.

Еще одно предварительное замечание. Приступая к анализу терминологии, используемой в клинической психиатрии, нужно понимать, что существует принципиальная разница между категорией онтологической (сущностной) и категорией анализа. Категория анализа в отличие от категории онтологической, присущей (в нашем случае) нарративу, есть категория искусственная, основанная на исследовательской позиции. В настоящей статье мы постараемся не путать их. Закljučая введение, следует отметить, что наш

текст будет насыщен, а возможно, даже перенасыщен цитатами. На это мы пошли сознательно. Говоря об определенных, мы пытались максимально точно сохранить авторские формулировки, а не пересказывать их своими словами.

Краткий обзор психиатрической литературы. Как говорилось выше, практически в каждой работе, посвященной бреду, употребляется один из вышеуказанных терминов. По этой причине не представляется возможности, да, скорее всего, это и не нужно, дать полный свод их употребления. Наша задача скромнее: на выделенных примерах показать основные тенденции использования данных понятий, выявить, в чем состоит нечеткость, неомогенность их употребления, и по возможности найти причину такой размытости.

Фабула является одним из любимых и часто употребляемых авторами терминов. Так, например, в работе А.К. Ануфриева, Ю.И. Либермана, В.Г. Остроглазова «Глоссарий психопатологических синдромов и состояний» [4] читаем: «Наряду с основной **фабулой** (ревности, изобретательства) наблюдаются **идеи** преследования, которые могут доминировать в структуре синдрома». И далее: «По мере течения болезни видоизменение и расширение тематики бреда выражается во все более нелепых и неправдоподобных идеях, но бред всегда сохраняет свой ограниченный систематизированный, “толкующий” характер». Там же: «Синдром Кандинского-Клерамбо с преобладанием бреда воздействия или овладения. Это состояние характеризуется преобладанием бредовых расстройств, отрывочных или систематизированных. Доминирующее место занимает бред физического воздействия с *различными вариантами фабулы* (**идеи** преследования, метаморфоза, одержимости, благожелательного воздействия и т.д.)».

В. Крылов указывает: «Основные характеристики идеаторного компонента связаны с **фабулой**, временной направленностью, степенью систематизации бредовых идей. Для чувственного бреда характерна persecutorная **фабула** болезненных переживаний». И далее: «Степень систематизации и стабильности **фабулы** в значительной степени определяется преобладающим механизмом бредообразования. Хорошо известно, что для интерпретативного бреда характерна высокая степень систематизации и устойчивости **фабулы** патологических идей. В случаях чувственного и образного бреда, напротив, имеет место недостаточно систематизированный, изменчивый по содержанию бред» [26].

В.Д. Менделевич пишет: «Несмотря на консолидированную позицию ученых о приоритете личностно-средового фактора обусловливания **фабулы** бреда, до настоящего времени остаются неразрешенными вопросы оценки механизмов формирования так называемых “нозологически специфичных” “патогномичных” параноидных синдромов» [34]. В современной литературе можно встретить и вовсе странные утверждения: «В систематизированном бреде кроме **фабулы** должны быть действующие лица, персоналии» (!?) [24].

Существуют и указания на *первичную фабулу*: «Первичная **фабула** бреда – “посылка, с заданным решением, предвосхищающая ход разработки бредовой системы, обуславливающей в известной мере неизбежность возникающих на ее основе суждений, которые в представлении больных отвечают всем критериям истинности (причем аксиоматической), справедливости, непреложности”. При возникновении “первичной **фабулы** бреда” “грубо искажаются именно причинно-следственные связи реальности» [50].

Нередки примеры, когда автор не разделяет понятия «фабула» и «содержание», употребляя их как полные синонимы. Например, в работе, посвященной механизму формирования фабулы бреда, В.Д. Менделевич упоминает фабулу и содержание как абсолютные синонимы: «В современной психиатрии доминирующей стала позиция о том, что **фабула (содержание)** бредовых идей у больных с психотическими расстройствами связана в большей степени с личностными особенностями пациентов» [34].

В фундаментальном труде профессора М.Е. Рыбальского, целиком посвященном бреду, предпринимается определенная попытка развести эти термины: «По методическим соображениям, целесообразно различать **общую идею, или фабулу**, бреда, его **тематическое оформление** и **конкретное содержание**. При этом под фабулой бреда понимают совокупность суждений, выражающих основную концепцию бреда» [50], т.е. направленность общего бредового умозаключения. Эта направленность влияет на более узкое бредовое суждение в виде темы бреда, но не предопределяет его конкретное содержание.

Несколько иначе формируются **фабула, тема и содержание** бреда, возникающего при помраченном сознании. В этом случае наблюдается слияние понятий «фабула», «тема» и «содержание бреда», целиком зависящих от природы и формы помрачения сознания» [45]. Однако такая попытка не может быть признана удачной, несмотря на важность стремления связать структурные изменения бредового содержания с уровнем сознания. Критерии разделения остаются нечеткими, а утверждение о слиянии фабул, темы и содержания – абсолютно не проясненным и не доказанным, так как определения этих терминов не приводятся. И несть числа такого рода неточностям в современной психиатрической литературе.

Сюжет. Данный термин используется значительно реже, при описании содержательной стороны бреда. «Реальные трагические события служили **сюжетной** основой бредовых расстройств, искажались, подвергались болезненной переработке и интерпретации». И там же: «Достоверно чаще отмечался бред самообвинения... Во всех наблюдениях это расстройство было **сюжетно связано** с перенесенной психической травмой. В группе сравнения содержание бреда самообвинения... не было связано с реальной ситуацией» [2]. Складывается впечатление, что *сюжет соотносится не только с содержанием бреда, но более всего с содержанием ситуации*, и это видимо, достаточно характерно для клиницистов. Нечеткость формулировок лишь маскирует размытость понимания базовых категорий.

Но, если термин *наполнение*, или *содержание*, является вполне нейтральным, то остальная терминология явно заимствована из области филологии. При этом, заимствуя термин, авторы не заботятся о точности его использования, смысловом наполнении и не считают необходимым обратиться к той области гуманитарных исследований, откуда собственно данная терминология и заимствована. Нам приходилось уже отмечать разрыв психиатрии и гуманитарного знания и, параллельно, – отсутствие влияния психиатрии на немедицинские области [22].

Тема. «По **содержанию (по теме бреда)** все бредовые идеи можно разделить на три основные группы: преследования, величия и самоуничтожения» [16]. «Паранойальный синдром. Наличие монотематического систематизированного бреда. Характерна одна **тема**, обычно бред преследо-

вания, ревности, изобретательства» [15]. «Из всех **тематических форм** бреда наибольшее количество типологических сходных с “магией-тотемической одержимостью” черт имел бред колдовства и одержимости» [19].

Содержание. «В зависимости от **содержательной стороны** бредовых идей и особенностей эмоционального фона, на котором они возникают, выделяют следующие варианты бреда» [3]. «Наиболее распространенным является деление бреда по **содержанию**» [9].

«Бредовые идеи представляют большое разнообразие по своему **содержанию**, по своей структуре и по роли, которую они играют в общей картине психоза. В смысле общего содержания наиболее часты идеи преследования» [13]. «**Содержание (фабула)** бреда является самым лабильным психопатологическим образованием» [40].

«**Мотивы** множественности души достаточно репрезентативны в речевом поведении при шизофрении» [19].

Каким образом, завершая краткий и, безусловно, неполный обзор психиатрической литературы, можно сказать следующее:

1. В профессиональной литературе используется как нейтральная лексика: наполнение, содержание, так и филологически нагруженная. Наиболее часто – «фабула», реже – «сюжет» и «тема». Термин «мотив» практически исключен из употребления.

2. Под темой, сюжетом и фабулой обычно подразумевается содержание бреда. То есть в большинстве случаев они употребляются как синонимы.

3. Термин *фабула* часто наделяется такими характеристиками, как *основная, первичная* или даже *идея*, что в глазах авторов, видимо, должно подчеркнуть его фундаментальность и важность.

4. В доступной нам литературе мы не нашли четких дефиниций ни одного из вышеприведенных терминов.

5. Авторы не соотносят данную терминологию с терминологией, принятой в филологии.

Филологические определения. Во-первых, признавая за бредом статус нарратива, мы можем говорить о некоторой общей схеме отражения внетекстовой реальности в нарративе, с разной степенью концептуализации. Приведем общие положения, касающиеся уровней отражения реальности в рассказе как они понимаются в филологии «Субстанцией содержания (материалом) устных рассказов является жизненный опыт рассказчика (первая степень рефлексии/концептуализации)» [10]. Для клинического случая это именно передача жизненного опыта, как психотического, так и непсихотического. В бредовом нарративе зачастую происходит взаимопереплетение этих элементов и переструктурирование значимости и времени в зависимости от нового смысла, привнесенного самим фактом бредообразования.

«Форма содержания (осмысления материала) состоит в отборе и связи событий в их “жизненной”, хронологической последовательности – **фабула**, по Б.В. Томашевскому (вторая степень концептуализации)» [10]. В контексте психотического опыта именно осмысление материала, а точнее его бредовое осмысление, создают неповторимую канву и содержание, позже обозначаемые врачом как бред.

«Формой выражения (нарративным материалом) будет избранный способ изложения связанных событий, **сюжет**, по Б.В. Томашевскому, – “героцентрический” сюжет, а также другие способы осужетивания материала – толкования, хроника и т.д. (третья степень)» [10]. Анализируя нарратив пациента, мы можем отметить абсолютно разные «сюжеты» в канве бреда: хроника у паранойяльного больного, толкование при интерпретативном бреде, и т.д.

«Субстанцией выражения становится конкретно данная форма текста – событийная канва, раскрашенная всеми возможностями поэтики, – чуда, предание, сплетня (четвертая степень концептуализации)» [10].

Категория «**мотив**» является одной из наиболее разработанных в литературоведении и фольклористике [14, 23, 32, 36, 41, 42, 56]. В самом общем плане мотив отражает минимальный повторяющийся элемент повествования и уже только поэтому может быть нам интересен. Мотив – это функция действующих лиц. Но не просто действие, а действие с точки зрения значимости его в контексте. Для нас значимо то, что в тексте один и тот же мотив может выполнять различные функции. Выделение мотивов позволило создать каталоги мотивов и, соответственно, с одной стороны, – понять строение текста, а с другой – провести сравнительные исследования по разным культурам.

«В центре семантической структуры мотива – собственно действие, своего рода **предикат**, организующий потенциальных действующих лиц и потенциальные пространственно-временные характеристики возможных событий повествования. Так, можно говорить о «мотиве погони» или «мотиве поединка», имея в виду, что в различных фольклорных и литературных произведениях эти мотивы выражаются в форме конкретных событий погони или поединка» [48].

Гипермотив. «Сгустки более частных мотивов, связанных в единый *мотивный комплекс* тем или иным традиционным сюжетом. Таковы, например, гипермотивы гордого царя, договора с дьяволом, блудного сына и т.п.» [52]. Аналогом данного элемента может быть, например, гипермотив изведения, вражды, нанесения вреда, причем каждый гипермотив, как нетрудно себе представить, состоит из пучка мотивов. Попробуем сопоставить это положение с попыткой объединить бреды по содержанию в большие тематические (?) группы (по определению авторов; по фабулам): бред преследования, бред величия, депрессивный бред. Депрессивный бред включает в себя, по их мнению, следующие формы: бред самоуничтожения, самообвинения, греховности, бред ипохондрический, дисморфофобический. В группу «бредов величия» исследователи включают: бред богатства, изобретательства, реформаторства, бред высокого происхождения, любовный бред [17].

Оставим в стороне заключение, что классификационной единицей является именно фабула. (А почему не сюжет, не тема, не мотив?) Попробуем задать вопрос: какой принцип положен в основу объединения? Если первые две группы – «бред преследования» и «бред величия» – объединены по принципу содержания, то последняя группа, по определению, базируется на выделении доминирующего аффекта – «депрессивный бред». Уже такая неоднородность базовых принципов не позволяет говорить об однородности классификации. Сразу же напрашиваются вопросы. Любовный бред – всегда бред величия? Дисморфофобический бред – обязательно депрессивный? Безусловно, нет. Но при анализе тематических классификаций, видно, что проблема заключается в неразграничении формальной терминологии. Аналогией этому является неразделение симптома, синдрома и нозологии. Клинически понятно, что если свести в один класс как равнозначные депрессивный симптом, депрессивный синдром и депрессию как болезнь, будет совершенно неважно, по каким критериям мы их сравниваем. Результаты такого сравнения проблематичны. А это происходит сплошь и рядом. Но аналогия тут глубже.

По сути, мы говорим о выделении элемента как единицы и элемента в системе, в связке. «Мотив – это слово, определяемое как часть речи, а функция – слово, определяемое как часть предложения» [36]. В таком ключе симптом можно рассматривать как аналог мотиву. Но тот же самый симптом (мотив) в структуре синдрома – суть функция (например, астено-депрессивный синдром, тревожно-депрессивный синдром т. д.) – играет другую роль (функция). А уже депрессивный симптом в структуре астено-депрессивного синдрома в рамках шизофрении играет другую роль и имеет другую значимость.

Вернемся к «фабуле». Если исходя из наших доводов и определений примем положение, что речь идет не о фабуле, а о мотиве, мы сумеем выделить группу/пучок мотивов, вычленив сначала мотив, т.е. построить гипермотив. В нашем случае бред самообвинения и самоучижения можно объединить. А дисморфобический/дисморфоманический бред таким мотивом не является, так как утверждение «у меня уродливый нос» или «у меня уродливое тело» должно быть соотнесено с объяснением. То есть высказывание «у меня уродливый нос потому, что враги мне испортили внешность» не будет являться частью гипермотива «недостачи, мне присущей», а войдет в гипермотив «меня изводят». Сюда же войдут мотивы «изводят, мучают, издеваются» и т. п.

Архетипический мотив. Термин этот особенно важен для нас, так как он заимствован из психоанализа и соединяет методологию Юнгианской психологии с филологией. Само понятие «архетип» в культурологии соотносится с наиболее древними, базовыми, зафиксированными типами психологического и текстуального плана. В последние годы стали широко употребительны такие понятия, как «социальный архетип», «коммуникативный архетип» [33]. Здесь мы сошлемся и на другую работу Е. Мелетинского, важную в контексте нашего обзора, где автор анализирует механизмы превращения мотивов в сюжет, т.е. разрабатывает типологию динамики. За неимением места, мы не приводим список целиком. Укажем лишь на наиболее существенные механизмы превращения мотива в сюжет: *суммирование* – либо действующих лиц, либо действий (аналогом этому может служить развитие бреда преследования и втягивание все новых и новых лиц в список преследователей); *зеркальное инвертирование исходного мотива* (переход бреда величия в бред преследования, и наоборот); метафорическое (метонимическое) трансформирование исходного мотива [31].

Алломотив – конкретная реализация мотива в тексте [14]. В клинике при интервьюировании пациента мы имеем дело именно с алломотивом. Однако алломотив может быть выделен психиатром только, если мотив выделен как содержательная категория анализа, и он известен врачу.

Фабула. Разделение фабулы, сюжета и мотива – заслуга в основном русской формальной школы (В. Шкловский, В. Пропп, Б. Томашевский, Ю. Тынянов), золотой век которой пришелся на 20-е – 30-е гг. XX столетия. Упрощенно, фабула – то, что рассказывается, а сюжет – как рассказывается. По сути, это есть события, как они происходили, хроника, а не история [41. С. 85]. Для врача хроникой, в которой доминирует временной тип связывания, например, станет полицейский протокол о задержании душевнобольного перед его госпитализацией (*17 января... на перекрестке улиц Карла Маркса и Рава Биренбаума В.И. стоял в общественном месте без одежды, голый, выкрикивал нецензурные ругательства. При попытке приблизиться к нему, вел себя агрессивно, пытался укунить полицейского*). После медицинского осмотра под пером диагноста хроника превратится

в историю/сюжет, и в буквальном смысле слова – в историю болезни – через развертывание в нарративе персональной истории. Это придает новый смысл ранее зафиксированным действиям. (*Пациент В.И., 1979 года рождения, известен хорошо в нашей больнице. Неоднократно ранее госпитализировался. Диагностирован как страдающий параноидной шизофренией. За неделю до данной госпитализации по собственной воле остановил прием психотропных лекарств. В течение последних двух дней не спал, стал возбужденным, был агрессивным по отношению к матери и т. д.*)

Б.В. Томашевский пишет: «Кратко выражаясь, фабула – это то, “что было на самом деле”, сюжет – то, “как узнал об этом читатель”» [51]. Наряду с этим в филологической науке есть и мнение, что фабулы как таковой вообще не существует: «Начиная с 20-х гг. XX в. в теории литературы господствует доктрина о разграничении сюжета и фабулы, где фабула – это “правильная” последовательность событий, как они протекают в физическом мире, а сюжет – эта та искусственная последовательность событий, в которой располагает их автор для художественных целей и которая может не совпадать с правильной хронологической последовательностью...». И далее: «Исходя из сказанного, мы будем стремиться показать, что разграничение сюжета и фабулы ошибочно в том смысле, что понятию фабулы ничто не соответствует ни в реальности, ни в языке, описывающем реальность, что “простой хронологической последовательности событий” просто не существует, хотя, может быть, имеет смысл говорить о том, что существует хронологическая последовательность физических необратимых (термодинамических) процессов, но, вероятно, и она вовсе не такая простая» [44].

Спор гуманитариев важен для нас, именно в контексте развития философии языка на всем протяжении XX в. В настоящей работе мы не будем затрагивать этот аспект. Отметим лишь, что, к сожалению, для психиатрии он остался совершенно вне поля зрения. Однако для развития клинических исследований игнорировать его далее не представляется разумным. Возможно, в клинике этот аспект должен быть рассмотрен в контексте исследования сознания, т.е. той области психики, которая, с одной стороны, отвечает за порождение «разумных» текстов, а с другой – за смысловое конструирование реальности.

Сюжет. Под сюжетом понимается выстроенная система мотивов. Еще в начале XX в. А.Н. Веселовский говорил, что сюжет делится на мотивы, как молекула на атомы (по аналогии с химией) [41]. По мнению Ю. Лотмана, именно выделение событий как дискретных единиц сюжета, придание им смысла и выстраивание их в упорядоченной форме есть суть сюжета [27]. Б.В. Томашевский в «Теории литературы» (раздел «Тематика») для обозначения связанности событий в жизни и в тексте использует понятия «фабула» и «сюжет». Хронологическую связь событий он называет фабулой, сюжетом – представление этих событий в тексте [51]. С.Ю. Неклюдов указывает, что именно мотив является содержательной категорией, что дает возможность его перевода с языка на язык. При этом «основу мотивного фонда составляет набор семантических универсалий (какими бы причинами – психофизиологическими, социальными, культурными – эта универсальность ни была обусловлена)» [36]. Согласно В. Шмид, сюжет – это аспект повествования, взятый с точки зрения смысловых отношений между изложенными событиями, в необходимом отвлечении от их фабульных связей [57].

Суммируя сказанное о сюжете, можно отметить, что **все авторы** подчёркивают важность смыслового ядра. Именно смысл отбирает и выстраивает мотивы в особой временной и причинной последовательности. Именно этот элемент смыслопорождения и позволяет осуществить логический переход от нарратива вообще к нарративу бреда. Ведь именно слом смысловых структур, о чем было сказано выше, и лежит в основе бредообразования.

«**Микросюжет** понимается как сюжет, в котором названо событие, но опущены другие (некоторые или все) компоненты» [38]. В коротких по длине нарративах также, как в фольклоре, «чем проще и короче сюжет, тем сильнее сокращается дистанция между ним и мотивом» [36]. То есть в микросюжете (по Новиковой-Грунд) мотив и сюжет, по сути, сливаются. Разница мотива и микросюжета состоит, по нашему мнению, в проговоренности. Мотив – конструкция теоретическая, абстрактная, привнесенная исследователем, а микросюжет – элемент нарратива. Мы его слышим, и он заметен.

Тема и мотив – две связанные между собой структуры. Темой обладает мотив. Тема развертывается посредством «фабульно выраженных мотивов» [49]. Для филолога Ю. Щеглова тема – смысловой инвариант [58]. Яснее всего, данный термин разъяснен в музыкологии. «Музыкальная тема – это короткое построение, которое выражает музыкальный образ. Темы могут быть очень короткими или достаточно развитыми. Есть такой жанр полифонической музыки – fuga. Там тема обычно состоит всего из одного-двух мотивов, и она служит источником для всего последующего развития. А в танцевальной музыке тема может занимать целый период из двух предложений и развитие начинается уже в самой теме. Тема может звучать как мелодия или как последовательность ярких, запоминающихся аккордов, или даже как ритмический мотив. Главное, чтобы тема была выразительна, хорошо запоминалась и узнавалась в произведении. В больших произведениях, таких, как сонаты или симфонии, бывает несколько тем» [54].

Нарратив. «Отталкиваясь от этимологии слова narrative – “рассказ, повествование” (англ., фр.), мы разделяем позицию Franzosi о том, что нарратив равен сумме история плюс сюжет, иными словами, нарратив – это акт рассказывания... Существует мнение, что термин “нарратив” связан с латинским словом *narratus*, т. е. “знающий”, “эксперт”, “осведомленный в чем-либо”, восходящим, в свою очередь, к индоевропейскому корню *gnō* – “знать”» [35].

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать некоторые выводы и сделать заключение о сути терминов. *Фабула* – это «что рассказывается». Фабула раскладывается на **действия**. *Сюжет* – это «как рассказывается», что из действий отбирается для рассказа и как действия связываются между собой. Сюжет раскладывается на **мотивы**. Сюжет – это связь мотивов. *Мотив* – **функция** действующих лиц. Но не просто действие, как в фабуле, а действие с точки зрения значимости такого действия в контексте.

Возможное применение терминологии для клинического описания. Мы можем выстроить следующую теоретическую схему анализа нарратива, неявно доминирующую в клинике: фабула (список действий во внетекстовой реальности) – мотив (элементарная единица) – сюжет (микросюжет) – законченный рассказ. Даже самый поверхностный взгляд на эту схему позволит заключить, что психиатры с ней знакомы, и нового в ней ничего для них нет, но знакомы на интуитивном уровне. В этой части работы мы будем исходить не из теоретической схемы, а будем отталкиваться от определения бреда, данного нами ранее [21].

1. Аверинцев С. Иов / С. Аверинцев. Собр. соч. Киев: «София-логос словарь», 2006. С. 53.
2. Алексеев А. Шизоаффективное расстройство с предшествующим эмоциональным стрессом (клинические особенности, прогноз): автореф. ... дисс. канд. мед. наук. М., 2008.
3. Антропов Ю.А., Антропов А.Ю., Незнанов Н.Г. Основы диагностики психических расстройств: Руководство для врачей. М., 2010. С. 192.
4. Ануфриев А.К., Либерман Ю.И., Остроглазов В.Г. Глоссарий психопатологических синдромов и состояний. М., 1990.
5. Ахутина Т.В. Роман Якобсон и развитие русской нейролингвистики. Тексты. Документы. Исследования. М., 1999.
6. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
7. Березкин Ю.Е. Как устроена и для чего нужна база данных мирового фольклора / Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2013 г. СПб, 2014.
8. Березкин Ю.Е. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог // <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/>
9. Блейхер В.М. Расстройства мышления. Киев, 1983. С. 97.
10. Веселова И.С. Событие жизни – событие текста. Электронный ресурс. <http://www.ruthenia.ru/folklore/veselova5.htm>
11. Выготский Л.С. Мышление и речь / Собр. соч. в 6 т. Т. 2. М., 1982.
12. Выготский Л. С. Психология искусства. М., 1987.
13. Гиляровский В. А. Психиатрия. Руководство для врачей и студентов. 2-е изд. М.; Л, 1935.
14. Дандес А. Фольклор: семиотика и/или психоанализ: Сб. ст. М., 2003.
15. Дроздов А., Гейслер Е. Психиатрия. Шпаргалки // <https://books.google.co.il/books?id=mZSgAAAAQBAJ&printsec=frontcover#v=onepage&q&f=false>
16. Дунаевский В. Мышление и его расстройства // Электронный учебник «Психиатрия и наркология» <http://www.s-psy.ru/obucenie/kurs-psihiatrii/5-kurs-lecebnyj-fakultet/elektronnyj-ucebnik-psyhiatrii>
17. Жариков Н., Тюльпин Ю. Психиатрия: Учебник. М., 2009.
18. Жюльен Ф. Путь к цели: в обход или напрямик. Стратегия смысла в Китае и Греции. М., 2001.
19. Зайцева-Пушкаш И.А. Шизофрения. Опыт Юнгианского анализа. М., 2010.
20. Зислин И. М. Куперман В. Б., Егоров А. Ю. К вопросу о классификации бреда (попытка структурно-семантического анализа) // Социальная и клиническая психиатрия. 2003. № 3. С. 97–105.
21. Зислин И. Онтогенез бредового нарратива. 2017. В печати.
22. Зислин И. Опыт разработки филологических аналогий для психиатрии // Независимый психиатрический журнал. 2016. № 2. С. 58–69.
23. Иванова Т.Г. Мифологема и мотив (К вопросу о фольклористической терминологии) // Комплексное собрание, систематика, экспериментальная текстология. Вып. 2: Материалы VI Международной школы молодого фольклориста (22–24 ноября 2003 г.) / Отв. ред. В. М. Гацак, Н. В. Дранникова. 2004. // http://folk.pomorsu.ru/index.php?page=booksopen&book=6&book_sub=6_1
24. Клинические разборы в психиатрической практике [Под ред. проф. А.Г. Гофмана]. М., 2014.
25. Котляр Е.С. Указатель африканских мифологических сюжетов и мотивов. М., 2009.
26. Крылов В.И. Бредовые расстройства (определение и структура бреда) // Психиатрия и психофармакотерапия. 2016. Т. 18, № 5. С. 4–9.
27. Лотман Ю.М. Происхождение сюжета в типологическом освещении / Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллин, 1992. С. 224–242.
28. Мальком Н. Состояние сна. М., 2014.
29. Мартине А. Основы общей лингвистики // Новое в лингвистике. 1963. Вып. 3.

30. Мегилл А. Историческая эпистемология. М., 2007.
31. Мелетинский Е.М. Семантическая организация мифологического повествования и проблема создания семиотического указателя мотивов и сюжетов // Текст и культура: Труды по знаковым системам. Вып 635. Тарту: ТГУ, 1983. С. 115–125.
32. Мелетинский Е.М. Герой волшебной сказки. Происхождение образа. М.; СПб, 2005.
33. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. 4-е изд. М., 2006.
34. Менделевич В.Д. Механизмы формирования фабулы бреда: роль личностно-средового и потребностно-мотивационного факторов // Психиатрия и психофармакотерапия им. П.Б. Ганнушкина. 2013. № 6. С. 10–13.
35. Михайлова Е.С. Жанровые характеристики нарративов у детей младшего школьного возраста: автореф. дисс. ... канд. фил. наук. Волгоград, 2015.
36. Неклюдов С.Ю. Мотив и текст / Языки культуры: Семантика и грамматика. К 80-летию со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого (1923–1996) [Отв. ред. С.М. Толстая]. М.: Индрик, 2004. С. 236–248.
37. Неклюдов С. Ю. Диалектность – региональность – универсальность в фольклоре // Универсалии русской литературы. 4. Воронеж., 2012. С. 8–38. <http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov70.pdf>
38. Новикова-Грунд М. В. Уникальная картина мира индивида и ее отображение на текст: на примере текстов людей, совершивших ряд суицидных попыток. М., 2014.
39. Остин Джон. Избранное. М., 1999.
40. Пашковский В. Э. Религиозно-архаический бредовый комплекс (психопатология, нозологическая принадлежность, терапевтическая динамика): дисс. ... д-ра мед. наук: СПб, 2010.
41. Потапова Н.Д. Лингвистический поворот в историографии. СПб, 2015.
42. Пропп В. Морфология сказки. Изд 2-е. М.: Наука. 1969.
43. Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. СПб., 1994.
44. Руднев В. Прочь от реальности. М., 2000.
45. Рыбальский М.И. Бред. М.: Медицина, 1993. С. 181–184.
46. Савенко Ю.С. Введение в психиатрию. Критическая психопатология. М., 2013.
47. Сафронов Е.В. Сновидения в традиционной культуре. Исследования и тексты. М., 2016.
48. Силантьев И.В. Факт и мотив: об одном существенном отличии литературного нарратива от исторического // Критика и семиотика. 2013. № 1(18). С. 138–144.
49. Силантьев И.В. Поэтика мотива М., 2004.
50. Терентьев Е.И. Паранойя ревности, Воронеж, 1982.
51. Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. М., 1996.
52. Тюпа В.И. Анализ художественного текста. 3-е изд. М., 2009.
53. Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика. 1997. Вып. 35. С. 361.
54. Фролов А.А. Секреты музыкального языка. Учебное пособие по музыкальной литературе для 3–4 классов ДМШ http://froland.ru/lyceum/muslit/man4_1_1.html
55. Фролов Б.С., Пашковский В.Э. Основные психопатологические синдромы. Психиатрический Тезаурус. Ч. 2. СПб, 2004.
56. Хэмлет Т.Ю. К вопросу понимания мотива в зарубежной и российской фольклористике // Традиционная культура: Научный альманах. 2013. № 2.
57. Шмид В. Нарратология. М., 2003.
58. Щеглов Ю. К описанию структуры детективной новеллы / Щеглов Ю.К. Проза. Поэзия. Поэтика: Избранные работы. М., 2012.
59. Якобсон Р. Два аспекта языка и два типа афатических нарушений / Теория метафоры. М., 1990. С. 110–132.
60. Cook C. Religious psychopathology: The prevalence of religious content of delusions and hallucinations in mental disorder // Int J Soc Psychiatry. 2015 Jun. Vol. 61(4). P. 404–425.
61. Freeman D. et al. A cognitive model of persecutory delusions // British Journal of Clinical Psychology. 2002. Vol. 41. P. 331–347.
62. Gold I. Outline of Theory of Delusions: Irrationality and Pathological Beliefs // In Rationality Constrains and Context / Ed By Tzu-Wei Hung and Timothy Joseph Lane. 2017.
63. Rhodes J. et al. A qualitative analysis of delusional content // Journal of Mental Health 2005. Vol. 14(4). P. 383–398.
64. Sinott R. What do bizarre delusions mean in schizophrenia? / Psychosis, 2015.
65. Zislin J., Kuperman V., Durst R. The Generation of Psychosis: a Pragmatic Approach // Medical Hypothesis. 2002. Vol. 58 (1). P. 9–10.
66. Zislin J., Kuperman V., Durst R. “Ego-Dystonic” Delusions as a Predictor of Dangerous Behavior // Psychiatr Q. 2011. Vol. 82. P. 113–120.

REFERENCES

1. Averintsev S. *Iov* In: S. Averintsev. *Sobr. soch.* Kiev: «Sofiya-logos slovar'», 2006. P. 53. (in Russian)
2. Alekseev A. *Extended abstract of PhD dissertation (Medicine)*. Moscow, 2008. (in Russian)
3. Antropov Yu.A., Antropov A.Yu., Neznanov N.G. *Osnovy diagnostiki psikhicheskikh rasstroistv: Rukovodstvo dlya vrachei*. Moscow, 2010. P. 192. (in Russian)
4. Anufriev A.K., Liberman Yu.I., Ostroglazov V.G. *Glossarii psikhopatologicheskikh sindromov i sostoyanii*. Moscow, 1990. (in Russian)
5. Akhutina T.V. *Roman Yakobson i razvitie russkoi neirolingvistiki. Teksty. Dokumenty. Issledovaniya*. Moscow, 1999. (in Russian)
6. Bakhtin M.M. *Voprosy literatury i estetiki*. Moscow, 1975. (in Russian)
7. Berezkin. Yu.E. In: *Radlovskii sbornik: Nauchnye issledovaniya i muzeinye proekty MAE RAN v 2013 g.* St.Petersburg, 2014. (in Russian)
8. Berezkin. Yu.E. *Tematicheskaya klassifikatsiya i raspredelenie fol'klorno-mifologicheskikh motivov po arealam. Analiticheskii katalog*// <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/> (in Russian)
9. Bleikher V.M. *Rasstroistva myshleniya*. Kiev, 1983. P. 97. (in Russian)
10. Veselova I.S. *Sobytie zhizni – sobytie teksta*. Elektronnyi resurs. <http://www.ruthenia.ru/folklore/veselova5.htm> (in Russian)
11. Vygotskii L.S. *Myshlenie i rech'* / *Sobr. soch.* v 6 t. Vol. 2. Moscow, 1982. (in Russian)
12. Vygotskii L.S. *Psikhologiya iskusstva*. Moscow, 1987. (in Russian)
13. Gilyarovskii V.A. *Psikhiatriya. Rukovodstvo dlya vrachei i studentov*. 2-e izd. Moscow; Leningrad, 1935. (in Russian)
14. Dandes A. *Fol'klor: semiotika i/ili psikhoanaliz: Sb. st. M.*, 2003. (in Russian)
15. Drozdov A., Geisler E. *Psikhiatriya. Shpargalki* // <https://books.google.co.il/books?id=mZSgAAAAQBAJ&printsec=frontcover#v=onepage&q&f=false> (in Russian)
16. Dunaevskii V. *Myshlenie i ego rasstroistva* // Elektronnyi uchebnik «Psikhiatriya i narkologiya» <http://www.s-psy.ru/obucenie/kurs-psihiatrii/5-kurs-lecebnyj-fakultet/elektronnyj-ucebnik-po-psihiatrii/> (in Russian)
17. Zharikov N., Tyul'pin Yu. *Psikhiatriya: Uchebnik*. Moscow, 2009. (in Russian)
18. Zhyul'en F. *Put' k tseli: v obkhod ili napryamik. Strategiya smysla v Kitae i Gretsii*. Moscow, 2001. (in Russian)
19. Zaitseva-Pushkash I.A. *Shizofreniya. Opyt Yungianskogo analiza*. Moscow, 2010. (in Russian)
20. Zislin I. M. Kuperman V. B., Egorov A.Yu. *Sotsial'naya i klinicheskaya psikhiatriya*. 2003. № 3. pp. 97–105. (in Russian)

21. Zislin I. *Ontogenez bredovogo narrativa*. 2017. V pechati. (in Russian)
22. Zislin I. *Nezavisimyi psikhiatricheskii zhurnal*. 2016. № 2. pp. 58–69. (in Russian)
23. Ivanova T.G. In: *Kompleksnoe sobiranie, sistematika, eksperimental'naya tekstologiya*. N. 2: *Proceedings of the VI Mezhdunarodnoi shkoly mladogo fol'klorista* (22–24 november 2003) [ed. V.M. Gatsak, N. V. Drannikova]. 2004. // http://folk.pomorsu.ru/index.php?page=booksopen&book=6&book_sub=6_1 (in Russian)
24. *Klinicheskie razbory v psikhiatricheskoi praktike* [ed. prof. A.G. Gofman]. Moscow, 2014. (in Russian)
25. Kotlyar E.S. *Ukazatel' afrikanskikh mifologicheskikh syuzhetov i motivov*. Moscow, 2009. (in Russian)
26. Krylov V.I. *Psikhatriya i psikhofarmakoterapiya*. 2016. Vol. 18, № 5. pp. 4–9. (in Russian)
27. Lotman Yu.M. In: *Lotman Yu.M. Izbrannye stat'i. Vol. 1: Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury*. Tallin, 1992. pp. 224–242. (in Russian)
28. Mal'kom N. *Sostoyanie sna*. Moscow, 2014. (in Russian)
29. Martine A. *Novoe v lingvistike*. 1963. N. 3. (in Russian)
30. Megill A. *Istoricheskaya epistemologiya*. Moscow, 2007. (in Russian)
31. Meletinskii E.M. In: *Tekst i kul'tura: Trudy po znakovym sistemam*. No 635. Tartu: TGU, 1983. pp. 115–125. (in Russian)
32. Meletinskii E.M. *Geroi volshebnoi skazki. Proiskhozhdenie obraza*. Moscow; St.Petersburg, 2005. (in Russian)
33. Meletinskii E.M. *Poetika mifa*. 4-e izd. Moscow, 2006. (in Russian)
34. Mendelevich V.D. *Psikhatriya i psikhofarmakoterapiya im. P.B. Gannushkina*. 2013. № 6. pp. 10–13. (in Russian)
35. Mikhailova E.S. *Extended abstract of PhD dissertation (Philology)*. Volgograd, 2015. (in Russian)
36. Neklyudov S.Yu. In: *Yazyki kul'tury: Semantika m grammatika. K 80-letiyu so dnya rozhdeniya akademika Nikity Il'icha Tolstogo (1923–1996)* [ed. S.M. Tolstaya]. Moscow: Indrik, 2004. pp. 236–248. (in Russian)
37. Neklyudov S.Yu. In: *Universalii russkoi literatury*. 4. Voronezh., 2012. pp. 8–38. <http://www.ruthenia.ru/folklore/necklyudov70.pdf> (in Russian)
38. Novikova-Grund M.V. *Unikal'naya kartina mira individa i ee otobrazhenie na tekst: na primere tekstov lyudei, sovershivshikh ryad suitsidnykh popytok*. Moscow, 2014. (in Russian)
39. Ostin Dzhon. *Izbrannoe*. Moscow, 1999. (in Russian)
40. Pashkovskii V.E. *MD dissertation (Medicine)*. St.Petersburg, 2010. (in Russian)
41. Potapova N.D. *Lingvisticheskii povorot v istoriografii*. St.Petersburg, 2015. (in Russian)
42. Propp V. *Morfologiya skazki*. Izd 2-e. Moscow: Nauka, 1969. (in Russian)
43. Putilov B.N. *Fol'klor i narodnaya kul'tura*. St.Petersburg, 1994. (in Russian)
44. Rudnev V. *Proch' ot real'nosti*. Moscow, 2000. (in Russian)
45. Rybal'skii M.I. *Bred*. Moscow: Meditsina, 1993. pp. 181–184. (in Russian)
46. Savenko Yu.S. *Vvedenie v psikhatriyu. Kriticheskaya psikhopatologiya*. Moscow, 2013. (in Russian)
47. Safronov E.V. *Snovideniya v traditsionnoi kul'ture. Issledovaniya i teksty*. Moscow, 2016. (in Russian)
48. Silant'ev I.V. *Kritika i semiotika*. 2013. № 1(18). pp. 138–144. (in Russian)
49. Silant'ev I.V. *Poetika motiva*. Moscow, 2004. (in Russian)
50. Terent'ev E.I. *Paranoiya revnosti*. Voronezh, 1982. (in Russian)
51. Tomashevskii B.V. *Teoriya literatury. Poetika*. Moscow, 1996. (in Russian)
52. Tyupa V.I. *Analiz khudozhestvennogo teksta*. 3-e izd. Moscow, 2009. (in Russian)
53. Frege G. *Semiotika i informatika*. 1997. No 35. P. 361. (in Russian)
54. Frolov A.A. *Sekrety muzykal'nogo yazyka. Uchebnoe posobie po muzykal'noi literature dlya 3–4 klassov DMSH* http://froland.ru/lyceum/muslit/man4_1_1.html (in Russian)
55. Frolov B.S., Pashkovskii V.E. *Osnovnye psikhopatologicheskie sindromy. Psikhiatricheskii Tezaurus*. Ch. 2. St.Petersburg, 2004. (in Russian)
56. Khemlet T.Yu. In: *Traditsionnaya kul'tura: Nauchnyi al'manakh*. 2013. № 2.
57. Shmid V. *Narratologiya*. Moscow, 2003. (in Russian)
58. Shcheglov Yu. In: *Shcheglov Yu.K. Proza. Poeziya. Poetika: Izbrannye raboty*. Moscow, 2012. (in Russian)
59. Yakobson R. In: *Teoriya metafory*. Moscow, 1990. pp. 110–132. (in Russian)

Поступила 28.04.17.